

Э. ФРОММ

АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ*

Постоянно растущие во всем мире насилие и разрушительность привлекли внимание специалистов и широкой общественности к теоретическому исследованию сущности и причин агрессии. Такое внимание к этой проблеме не может никого удивить; заслуживает удивления лишь то, что этот интерес возник так поздно, особенно если учесть, что столь выдающийся исследователь, как Фрейд, после пересмотра своей теории, где центральным пунктом была сексуальность, уже в 20-е годы создал новую теорию, в которой страсть к разрушению («инстинкт смерти») занимает точно такое же место, как и страсть к любви («жажда жизни», «сексуальность»). Однако общественность по-прежнему рассматривала фрейдизм исключительно в духе сложившегося стереотипа, ограничивая его рамками учения о либидо как всеохватной страсти человечества.

Ситуация изменилась лишь в середине 60-х годов. Одной из причин такой перемены были, вероятно, масштаб насилия и страх перед нарастающей угрозой войны во всем мире, которые достигли своего апогея. Этому способствовала также публикация нескольких книг, посвященных человеческой агрессии, особенно книга Конарда Лоренца «Das sogenannte Böse» (1963). Лоренц — известный исследователь поведения животных. Весьма значительны его труды относительно рыб и птиц. Когда же он осмелился ступить в область человеческого поведения, не обладая достаточным опытом и достаточной компетентностью, то его книга «Das sogenannte Böse» мгновенно стала бестселлером и произвела огромное впечатление на большую часть весьма образованной публики. Вопреки утверждениям психологов и неврологов, многие люди увидели в идеях Лоренца окончательное решение проблемы. Тезис Лоренца таков: агрессивное поведение людей, проявляющееся в войнах, преступлениях, личной драчливости и прочих типах деструктивного и садистского поведения, имеет филогенетические корни, оно запрограммировано в человеке, связано с врожденным инстинктом, который ждет своего места и часа и использует любой повод для своего выражения.

Возможно, успех Лоренца и его нео-инстинктивизма связан не столько с безупречностью аргументов, сколько с тем, что многие люди оказались предрасположены к восприятию такой аргументации. Что может быть приятнее для человека, испытывающего страх и понимающего свою беспомощность перед лицом неумолимого движения мира в сторону разрушения, что может быть желаннее, чем теория, заверяющая, что насилие коренится в нашей звериной натуре, в неодолимом инстинкте агрессивности, и что самое лучшее для нас — как говорит Лоренц — постараться понять, что сила и власть этого влечения является закономерным последствием эволюции.

Эта теория о врожденной агрессивности очень легко превращается в идеологию, которая смягчает страх перед тем, что может случиться и помогает рационализировать чувство беспомощности.

Есть еще и другие причины, в силу которых кое-кто отдает предпочтение упрощенному решению проблемы деструктивности в рамках инстинктивистской теории. Серьезное исследование причин деструктивизма может поставить под сомнение основы крупней-

* *Fromm E. Der Anatomie der menschlichen Destruktivitat. 1975 // Gesamtausgabe Bd. VII.*

ших идеологических систем. Здесь невозможно избежать анализа проблемы иррациональности нашего общественного строя, здесь придется нарушить некоторые табу, скрывающиеся за священными понятиями «безопасность», «честь», «патриотизм» и т.д.

Достаточно провести серьезное глубинное исследование нашей социальной системы, чтобы сделать вывод о причинах роста деструктивности в обществе и подсказать средства для ее снижения. Инстинктивистская теория избавляет нас от нелегкой задачи такого глубокого анализа. Она успокаивает нас и заявляет, что даже если все мы должны погибнуть, что по меньшей мере можем успокоить себя тем, что эта судьба обусловлена самой «природой» человека и что все идет именно так, как должно было случиться.

...Ученый, занимающийся изучением человека, более всех других исследователей подвержен воздействию социального климата. Это происходит от того, что не только он сам, его образ мыслей, его интересы и ставящиеся им вопросы детерминированы обществом (как это бывает и в естественных науках), но в этом случае детерминация распространяется и на сам предмет исследования — человека.

Мы должны различать у человека два совершенно различных вида агрессии. Первый вид, общий и для человека, и для всех зверей, это филогенетически заложенный импульс к атаке (или к бегству) в ситуации, когда возникает угроза жизни. Эта оборонительная «доброкачественная» агрессия служит делу выживания индивида и рода; она имеет биологические формы проявления и затухает, как только исчезает опасность. Другой вид представляет «злокачественная агрессия»: это деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку и практически отсутствуют у других млекопитающих. Она не имеет филогенетической программы, не служит биологическому приспособлению и не имеет никакой цели. Большая часть споров на эту тему была вызвана тем, что не существовало разграничения между двумя видами агрессии, которые различны и по происхождению, и по отличительным чертам.

Оборонительная агрессия действительно принадлежит природе человека, хотя и в этом случае речь идет не о «врожденном» инстинкте, как это принято было считать.

Когда Лоренц говорит об агрессии как способе защиты, он прав в своем предположении, что речь здесь идет об агрессивном инстинкте (хотя теория спонтанности влечений и способности к саморазрядке не выдерживает критики. Но Лоренц идет еще дальше. Он применяет целый ряд утонченных логических конструкций, чтобы представить любую человеческую агрессию, включая жажду мучить и убивать, как следствие биологически данной агрессивности, которая, с точки зрения Лоренца, под влиянием целого ряда различных факторов из необходимой защитной превращается в деструктивную силу. Против этой гипотезы говорят многочисленные эмпирические данные, и потому она практически несостоятельна. Изучение животных показывает, что млекопитающие — особенно приматы — хотя и имеют значительную дозу оборонительной агрессии, не являются ни мучителями, ни убийцами. Палеонтология, антропология и история дают нам многочисленные примеры против инстинктивистской концепции, отстаивающей три основных принципа:

1. Человеческие группы фундаментально отличаются друг от друга лишь степенью своей деструктивности — это посылка, которую можно объяснить, только исходя из допущения врожденного характера жестокости и деструктивности.

2. Разные степени деструктивности могут при необходимости коррелировать с другими психологическими факторами и с различными социальными структурами.

3. По мере цивилизационного прогресса возрастает степень деструктивности (а не наоборот).

На самом деле концепция врожденной деструктивности относится скорее к истории, чем к предыстории. Ведь если бы человек был наделен только биологически-приспособительской агрессией, которая роднит его с животными предками, то он был бы сравнительно миролюбивым существом...

В том-то и дело, что человек отличается от животных именно тем, что он убийца. Это единственный представитель приматов, который без биологических и экономических причин мучит и убивает своих соплеменников и получает удовлетворение.

Это та самая биологически anomальная и филогенетически не запрограммированная «злокачественная» агрессия, которая представляет настоящую проблему и опасность для выживания человеческого рода; выяснение сущности и условий возникновения деструктивной агрессии как раз и составляет главную цель книги.

Различение доброкачественно-оборонительной и злокачественно-деструктивной агрессии требует еще более основательной дифференциации двух категорий, а именно: инстинкта и характера, точнее говоря, разграничения между естественными влечениями, которые коренятся в физиологических потребностях и специфически человеческими страстями, которые коренятся в его характере («характерологические или человеческие страсти»). Такая дифференциация между инстинктом и характером будет в дальнейшем подробно обсуждена. Я попытаюсь показать, что характер — это «вторая натура» человека, замена для слабо развитых его инстинктов, что человеческие страсти соответствуют его «экзистенциальным» потребностям, которые в свою очередь определяются специфическими условиями человеческого существования. Короче говоря, инстинкты — это ответ на физиологические потребности человека, а страсти, произрастающие из характера (потребность в любви, нежности, свободе, разрушении, садизм, мазохизм, жажда собственности и власти) — все это ответ на экзистенциальные потребности, и они являются специфически человеческими. В то время как экзистенциальные потребности одинаковы для всех людей, индивиды и группы отличаются с точки зрения преобладающих страстей. К примеру, человек человека может толкнуть на разрушение или любовь или страдание; в обоих случаях он удовлетворяет одну из своих экзистенциальных потребностей: потребность к «воздействию» на кого-либо. А что возьмет верх в человеке — любовь или жажда разрушения — в значительной мере зависит от социальных условий, эти условия влияют на биологически заданную экзистенциальную ситуацию и возникающие в этой связи потребности (а не на безгранично готовую к формированию и неразличимую психику, как это считают представители теории среды).

Когда же мы хотим узнать, что составляет условия человеческого существования, то возникают главные вопросы: в чем состоит сущность человека? Что делает человека человеком?

Вряд ли стоит доказывать, что обсуждение таких проблем в современном социальном знании нельзя считать плодотворным. Эти проблемы по-прежнему считаются прерогативой философии и религии: а позитивистское направление рассматривает их в чисто субъективистском аспекте, игнорируя всякую объективность. Поскольку мне не хочется, забегая вперед, приводить развернутую аргументацию, опирающуюся на факты, я пока ограничусь несколькими замечаниями. Что касается меня, то в отношении этих проблем я исхожу из биосоциальной точки зрения.

...Мы заменяем фрейдовский физиологический принцип объяснения человеческих страстей на эволюционный социобиологический принцип историзма.

Опираясь на теоретический фундамент, можно подробно обсудить различные формы и личностные типы злокачественной агрессии, особенно такие как садизм — страстное влечение к неограниченной власти над другим живым существом и некрофилия (страсть к разрушению жизни и привязанность ко всему мертвому, разложившемуся, чисто механическому). Понимание этих личностных типов стало доступно, как я думаю, благодаря анализу характеров нескольких персон, известных своим садизмом и деструктивностью, например, Сталин, Гиммлер, Гитлер.

Так мы очертили построение данного исследования и теперь имеет смысл назвать некоторые предпосылки и выводы, с которыми читатель встретится в последующих главах.

1) Мы намерены заняться не поведением как таковым, в отрыве от действующего человека; нашим предметом являются человеческие стремления, независимо от того, выражаются они непосредственно наблюдаемым поведением или нет. В случае с феноменом агрессии это означает, что мы будем исследовать происхождение и интенсивность агрессивного импульса, а не агрессивное поведение в отрыве от его мотивации.

2) Эти импульсы могут быть осознанными, но в большинстве случаев они неосознанны.

3) Чаще всего они интегрированы в сравнительно постоянную структуру личности.

4) В широком смысле данное исследование опирается на психоаналитическую теорию. Значит, мы будем прибегать к методу психоанализа, который вскрывает неосознанную внутреннюю реальность путем истолкования доступных для наблюдения и внешне незначительных данных. Но выражение «психоанализ» употребляется у нас все же не в смысле классической теории Фрейда, а в смысле дальнейшего развития фрейдизма. На главных аспектах этого развития я позднее остановлюсь более подробно, здесь же следуют лишь отметить, что мой психоанализ опирается не на теорию либидо и исходит не из инстинктивистских представлений, которые по общему мнению составляют ядро и сущность теории Фрейда.

Следует заметить, что Фрейд в формулировании собственных идей неизбежно был ограничен рамками понятийного аппарата эпохи. Поскольку он никогда не собирался идти на разрыв с материализмом своих учителей, то вынужден был искать возможность объяснить человеческие страсти как выражение влечений. И это ему блестяще удалось благодаря теоретическому *tour de force*: он расширил понятие сексуальности (либидо) настолько, что все человеческие страсти (за исключением инстинкта самосохранения) представил как формы проявления одного единственного инстинкта. Любовь, ненависть, жадность, тщеславие, зависть, ревность, жестокость и нежность — все они оказались насильно втиснуты в тесные рамки теоретической схемы, где получили обоснование либо как сублимация, либо как реализация сексуальности (в виде оральной, анальной, гени-тальной, нарциссической и других форм либидо).

Во второй период своего творчества Фрейд попытался вырваться за пределы этой схемы и создал новую теорию, которая представляла собой значительный прогресс в понимании деструктивности. Он обнаружил, что жизнью правят не два эгоистических инстинкта — голод и сексуальность, а две главные страсти — любовь и деструктивность, и обе они служат делу физиологического выживания, хотя и не в том смысле, как физический и сексуальный голод. Но поскольку он все равно был связан цепями своих теоретических установок, он обозначил эти две страсти парными категориями «инстинкт жизни» и «инстинкт смерти», тем самым придав деструктивности столь серьезное значение, что она была признана одной из двух фундаментальных человеческих страстей.

В настоящем исследовании автор освобождает от принудительного брака с инстинктами такие важные человеческие страсти, как стремление к любви и свободе, как тяга к разрушению, как желание мучить, подчинять себе другого и господствовать над ним. Инстинкты — это чисто биологическая природная категория, в то время как страсти и влечения, коренящиеся в характере — это биосоциальные, исторические категории. И хотя они не служат физическому выживанию, они обладают такой же (а иногда и большей) властью, как и инстинкты. Они составляют основу для человеческой заинтересованности жизнью (для его способности к радости и восхищению); они являются в то же время материалом, из которого возникают не только мечты и сновидения, но и искусство, и религия, и мифы, и сказания, литература и театр — короче все, ради чего стоит жить (что делает жизнь достойной жизни).

Человек не может существовать как простой «предмет», как вафля, выскакивающая из одной формы, он сильно страдает, если его низводят до уровня автоматического устройства, способного к приему пищи и размножению, даже если при этом ему гарантируется высшая степень безопасности. Человек нуждается в напряженности и волнении, и если на высшем уровне своих достижений он не находит удовлетворения, то сам создает себе трагедию разрушения. Нынешнее состояние мышления подкрепляет известную аксиому, согласно которой мотивация лишь тогда может быть интенсивной, когда она служит органическим потребностям, то есть только инстинкты обладают достаточно интенсивной мотивационной силой. Если же отказаться от этой механистической редукционистской точки зрения и обратиться к целостной концепции, то постепенно становится ясно, что человеческие страсти следует рассматривать в связи с их функцией в процессе жизни целостного организма. Их интенсивность коренится не в специфических физиологических потребностях, а в потребности целостного организма жить и развиваться как в телесном, так и в духовном смысле.

Эти страсти занимают значимое место не после того, как удовлетворены наши физиологические потребности. Нет. Их корни уходят в самые основания человеческого бытия, они отнюдь не относятся к разряду роскоши, которую кто-то может себе позволить после того, как удовлетворит свои нормальные «низшие» потребности. Люди кончали жизнь самоубийством из-за того, что не могли удовлетворить свою любовную страсть, жажду власти, славы или мести. Случаи самоубийства по причине недостаточной сексуальной удовлетворенности практически не встречаются. Именно эти, не обусловленные инстинктами страсти волнуют человека, зажигают его, делают жизнь полноценной как сказал однажды Гольбах, французский философ-просветитель: «Человек, лишенный желаний и стратегий, перестает быть человеком». Их влияние и роль тем и обусловлены, что без них человек перестает быть человеком.

Человеческие страсти превращают человека из простого предмета в героя, в существо, которое вопреки всем преградам пытается придать смысл собственной жизни. Он хочет быть творцом самого себя, хочет превратить свое неполноценное бытие в полноценное, осмысленное и целеустремленное, позволяющее ему в максимальной мере достигнуть целостности своей личности. Человеческие страсти — это отнюдь не психологические комплексы, которые можно объяснить путем обращения к событиям и впечатлениям раннего детства. Их можно понять, только разорвав узкие рамки редукционистской психологии, изучая их в живой реальности, то есть подвергнуть анализу попытку человека придать смысл своей жизни, пережить самые острые, самые мощные потрясения бытия, которые только могут случиться при данных условиях (или которые он сам считает возможными). Страсти — это его религия, его культ и его ритуал, а он вынужден скрывать их даже от себя самого, особенно если не получает поддержки группы. Ценой вымогательства и подкупа его могут заставить отказаться от своей религии и стать адептом нового культа — культа робота. Но такой психологический подход отбирает у человека его последнее достояние: способность быть не вещью, а человеком.

В действительности все человеческие страсти, «хорошие» и «дурные» следует понимать не иначе, как попытку человека преодолеть свое банальное существование во времени и перейти в трансцендентальное бытие. Изменение личности возможно лишь в том случае, если человеку удастся «обратиться» к новым способам осмысливания жизни: если он при этом мобилизует все свои жизненно важные устремления и страсти и тем самым познает гораздо более острые формы витальности и интеграции, чем те, что были ему присущи прежде. А пока это не происходит, его можно обуздать, укротить, но нельзя исцелить. Несмотря на то, что жизнеспособные страсти ведут к самоутверждению человека, усиливают его ощущение радости жизни и гораздо больше способствуют проявлению целостности и витальности, чем жестокость и деструктивность, но и те, и другие в равной мере участвуют в реальном человеческом существовании, поэтому и анализ страстей необходим для решения проблемы человека. Ведь садист тоже человек, и обладает человеческими признаками так же, как и святой. Садиста можно назвать больным, калекой, уродом, который не смог найти другого способа реализовать данные ему от рождения человеческие качества — и это будет правильно: его можно назвать также человеком, который в поисках блага ступил на неверный путь¹.

Эти рассуждения вовсе не доказывают, что жестокость и деструктивность — не суть пороки, они доказывают лишь то, что эти пороки свойственны человеку. Жестокость разрушает и душу, и тело, и саму жизнь, она сокрушает не только жертву, но и самого деятеля. В этом пороке находит выражение парадокс; в поисках своего смысла жизнь оборачивается против себя самой. В этом пороке заключено единственное настоящее извращение. И понять его — вовсе не значит простить. Но пока мы не поняли в чем его суть, мы не можем судить о том, какие факторы способствуют, а какие препятствуют росту деструктивности в обществе.

Английское слово «Salvation» (благость, спасение) происходит от латинского корня «Sal» — соль (в исп. яз. — «Salud» — «здоровье»). Это значение возникло от того, что соль защищает человека от разложения (и сохраняет его здоровье и благополучие). Именно в этом смысле (а не в теологическом) каждый человек нуждается в спасении.

Такое понимание особенно важно в наше время, когда значительно снизился порог чувствительности к жестокости, когда на всех уровнях жизни заметны некрофилические тенденции: рост интереса нашего кибернетического индустриального общества ко всему мертвому, разложившемуся, механическому, автоматическому и т.д.

В литературе дух некрофилии испытал мощный импульс в 1909 г. в «Футуристском манифесте» Ф.Т. Маринетти. Но в последние десятилетия эта тенденция стала заметна во многих сферах литературы и искусства, где объектом изображения все чаще становится механистическое, безжизненное, деструктивное начало. Предвыборный лозунг фалангистов «Да здравствует смерть!» грозит превратиться в принцип жизни самого общества, в котором победа машин над природой стала символом прогресса, а сам живой человек становится всего лишь придатком машины.

В настоящей работе исследуется сущность некрофилии и социальные условия, способствующие формированию и проявлению этой страсти. В результате исследования я пришел к выводу, что в широком смысле избавление от этого порока возможно только ценой радикальных перемен в нашем общественном и политическом устройстве. таких перемен, которые вернут человеку его господствующую роль в обществе. Лозунг «Порядок и закон» (вместо «жизнь и система»), призыв к созданию более строгих мер наказания за преступления, так же, как и одержимость некоторых «революционеров» жадной власти и разрушения — это не что иное как дополнительные примеры растущей тяги к некрофилии в современном мире. Мы должны создать такие условия, при которых высшей целью всех общественных устремлений станет всестороннее развитие человека — того самого незаконченного существа, которое, возникнув на определенной ступени развития природы, нуждается в совершенствовании и шлифовке. Подлинная свобода и независимость при искоренении любых форм угнетения смогут привести в действие такую силу, как любовь к жизни — а это и есть единственная сила, способная победить влечение к смерти.

ГЛАВА I. ПРЕДСТАВИТЕЛИ УЧЕНИЙ ОБ ИНСТИНКТАХ И ВЛЕЧЕНИЯХ

Старшее поколение исследователей проблемы инстинктов

Я не собираюсь представлять здесь читателю историю учений об инстинктах, ибо ее можно найти во многих учебниках. Истоки этой истории надо искать в философских трудах прошлого, но современное мышление в целом опирается на труды Чарльза Дарвина и его эволюционную теорию.

Вильям Джеймс (1890) и Вильям Мак Дугалл (1913, 1932) составили пространные таблицы, полагая, что каждый отдельный инстинкт или влечение обуславливают соответствующий тип поведения. Так, Джеймс выделяет инстинкт подражания, инстинкт вражды, сочувствия, охоты, страха, соревнования, клептомании, творчества, игры, зависти, общительности, скрытности, чистоты, скромности, любви, ревности — в целом список этот представляет странную смесь из общечеловеческих свойств и специфических социально обусловленных черт личности. И хотя сегодня перечни такого рода кажутся нам несколько наивными, все же следует отметить, что исследования инстинктов по сей день поражают обилием теоретических конструкций и высоким уровнем теоретического мышления. Так, например, Джеймс совершенно четко представлял себе, что самое элементарное инстинктивное действие может включать в себя элемент обучения, а Мак Дугалл вовсе не отрицал многообразного формирующего влияния опыта и культуры. Его учение об инстинктах представляет мостик к теории Фрейда.

Прежде чем мы обратим свой взор к крупнейшим современным исследователям этой проблемы, каковыми являются Зигмунд Фрейд и Конрад Лоренц, попробуем отметить то, что объединяет их с предшественниками. Так, в концепции Мак Дугалла существовала некая механико-гидравлическая модель действия инстинктов по типу шлюза, в котором ворота сдерживают энергию воды, а затем при определенных условиях она прорывается и образует «водопад». Позднее Мак Дугалл для образности сравнивал любой

инстинкт с «газовым баллоном», в котором «постоянно высвобождается отравляющее вещество (газ)».

Фрейд в своей теории либидо также следует некой гидравлической схеме. Либидо нарастает — напряженность усиливается — недовольство ширится... — сексуальный акт дает разрядку, снимает напряжение до тех пор, пока оно вновь не начнет усиливаться и нарастать. Сходные идеи мы видим и у Лоренца, он, например, сравнивает реактивную энергию со «сжатым газом, который долго хранится в специальном резервуаре», или с жидкостью, которая заключена в сосуд, имеющий вентиль в днище и т.д... Несмотря на мелкие различия, все эти теоретические модели имеют одну общую идею — идею субстанции, обладающей способностью стимулировать поведение.

Современные теоретики инстинктов: Зигмунд Фрейд и Конрад Лоренц

Понятие агрессии у Фрейда

Прогрессивность взглядов Фрейда по сравнению со взглядами его предшественников, особенно Мак Дугалла, состояла в сведении всех «влечений» к двум категориям: инстинкт самосохранения и инстинкт сексуальности. Поэтому теорию Фрейда можно считать последней ступенькой в истории развития учения об инстинктах. Но хочу еще раз повторить мою мысль о том, что одновременно теория Фрейда была и первой ступенькой к преодолению прежних теоретических построений, хотя сам Фрейд этого и не осознавал. В дальнейшем я буду рассматривать только фрейдовскую концепцию агрессии, исходя из того, что его теория либидо многим читателям хорошо известна или же они могут почерпнуть эти знания в других источниках, а лучше всего в самом первоисточнике, каким является лекция Фрейда под названием «Введение в психоанализ» (1916/17 и 1933).

Фрейд уделил феномену агрессии сравнительно мало внимания, считая сексуальность и инстинкт самосохранения главными и преобладающими человеческими страстями. Однако в 20-е годы он полностью отказывается от этого представления. Уже в работе «Я и Оно» (1923), а также во всех последующих трудах он выдвигает новую дихотомическую пару: влечение к жизни (эрос) и влечение к смерти.

Инстинкт смерти направлен против самого живого организма и потому является инстинктом либо саморазрушения, либо разрушения другого индивида (в случае подавленности во вне). Если инстинкт смерти оказывается связан с сексуальностью, то он находит выражение в формах садизма или мазохизма. И хотя Фрейд неоднократно подчеркивал, что интенсивность этого инстинкта можно редуцировать, основная его теоретическая посылка гласит: человек одержим одной лишь страстью — жадой разрушить либо себя, либо других людей, и этой трагической альтернативы вряд ли удастся ему избежать. Из гипотезы о влечении к смерти следует вывод, что агрессивность по сути своей не является реакцией на раздражение, а представляет собой некий постоянно присутствующий в организме подвидный импульс, обусловленный самой конституцией человеческого существа (самой природой человека).

Большинство аналитиков, взявших на вооружение теорию Фрейда, воздержались от восприятия той части его учения, которая говорит об инстинкте смерти, видимо потому, что эта часть теории выходит за рамки механистического биологического мышления, согласно которому все «биологическое» автоматически отождествляется с физиологией инстинктов. И все же они не отбросили полностью новые идеи Фрейда. Они пошли на компромисс, признав, что «жажда разрушения» существует как противоположность сексуальности. Это дало им возможность принять новый подход Фрейда к понятию Агрессии и в то же время не «заметить» кардинальных изменений в его мировоззрении и не подпасть под его влияние.

Фрейд сделал очень важный шаг вперед от механистического физиологизма к биологическому воззрению на организм как целое и к анализу биологических предпосылок любви и ненависти. Однако его теория страдает серьезным недостатком. Она опирается на чисто абстрактные спекулятивные рассуждения и не имеет убедительных эмпирических дока-

зательств. Вдобавок к этому, хотя Фрейд и предпринял блистательную попытку объяснить с помощью своей новой теории человеческое поведение (импульсы), его гипотеза оказалась непригодной для объяснения поведения животных. Для него инстинкт смерти — биологическая сила, действующая в любом живом организме: значит, и животные должны проявлять разрушительность по отношению либо к себе, либо к другим особям. Из этого следует, что у менее агрессивных зверей мы должны были бы обнаруживать более частые болезни и более раннюю смертность (и наоборот); но эта гипотеза, разумеется, не имеет эмпирических доказательств. ...Фрейд не столько прояснил, сколько завуалировал феномен агрессии, распространив это понятие на совершенно разные типы агрессии и таким образом сведя все эти типы к одному единственному инстинкту. И поскольку Фрейд наверняка не был приверженцем бихевиоризма, мы можем предположить, что причиной тому — его склонность к дуалистическому противопоставлению двух основополагающих сил в человеке.

При разработке этой дихотомической схемы сначала возникла пара, состоящая, с одной стороны, из инстинкта сексуальности, а с другой — из инстинкта самосохранения; позднее эта пара трансформировалась в противопоставление инстинкта жизни инстинкту смерти. Элегантность этой концепции потребовала от Фрейда определенной жертвы: ему пришлось расположить все человеческие страсти, привязывая их к одному из двух полюсов, и таким образом соединить несовместимое, такие черты, которые в реальности не имеют ничего общего друг с другом.

Теория агрессии Конрада Лоренца

Можно сказать, что теория Лоренца покоится на двух фундаментальных посылах: первая — это гидравлическая модель агрессии, которая указывает на механизм возникновения агрессии. А вторая посылка опирается на идею о том, что агрессивность служит делу самой жизни, способствует выживанию индивида и целого рода. В общем и целом Лоренц исходит из предположения, что внутривидовая агрессия (агрессия по отношению к членам одного и того же рода) является функцией на службе выживания самого рода.

Однако дальше Лоренц утверждает, что инстинкт, служащий у животных сохранению вида, у человека «перерастает в гротесковую и бессмысленную форму» и «выбивает его из колеи». И агрессивность превращается из помощника в угрозу выживанию.

Фрейд и Лоренц: сходство и различия

Отношения между теориями Фрейда и Лоренца довольно сложны. Объединяет их гидравлическая концепция агрессивности, хотя причины объясняются по-разному. Вместе с тем их взгляды кажутся порой диаметрально противоположными. Фрейд выдвигал гипотезу об инстинкте разрушения, а Лоренц эту гипотезу на биологическом уровне считает совершенно неприемлемой. Ибо его агрессивный инстинкт служит делу жизни, в то время как фрейдовский инстинкт находится «на службе у смерти».

Правда, это расхождение в значительной мере утрачивает свою роль, когда Лоренц говорит об изменениях первоначально оборонительной и жизнеспособной агрессии. С помощью сложных и порой довольно сомнительных конструкций Лоренц пытается обосновать и упрочить свою гипотезу о том, что оборонительная агрессия у человека превращается в постоянно действующую и саморазвивающуюся интенцию, которая заставляет его искать и находить условия для разрядки или ведет к взрыву, если нет возможности найти подходящий раздражитель. Отсюда следует, что даже если в обществе, с точки зрения социально-экономического устройства, отсутствуют подходящие возбудители серьезных проявлений агрессии, все равно давление самого инстинкта так сильно, что члены общества вынуждены изменять условия или же — если они к этому не готовы — дело доходит до совершенно беспричинных взрывов агрессивности... Лоренц приходит к выводу, что человека от рождения ведет по житии жажды разрушения, то есть практические последствия этого вывода совпадают с идеями Фрейда. Правда, у последнего страсть к

разрушению противостоит столь же сильному влечению эроса (инстинкт сексуальности и жизни вообще), в то время как для Лоренца любовь является результатом агрессивных влечений.

Фрейд и Лоренц совпадают в одном: плохо, если агрессия не может воплотиться в действие.

ГЛАВА II. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ И БИХЕВИОРИСТЫ

Просветительская теория среды

Диаметрально противоположную позицию (в сравнении с исследователями инстинктов) занимают представители теории среды. Они утверждают, что человеческое поведение формируется исключительно под воздействием социального окружения, то есть определяется не «врожденными», а социо- и культурными факторами. Это в основном касается агрессивности, которая является одним из главных препятствий на пути человеческого прогресса.

Уже философы-просветители рьяно отстаивали эту идею в самой радикальной ее форме. Они утверждали, что человек рождается «добрым» и разумным. И если в нем развиваются дурные наклонности, то причиной тому — дурные обстоятельства, дурное воспитание и дурные примеры. Многие считали, что не существует психических различий между полами (*l'ame n'a pas de sex* — душа не имеет пола) и что реально существующие различия между людьми объясняются исключительно социальными обстоятельствами и воспитанием. Следует отметить, что в противоположность бихевиористам, эти философы имели в виду вовсе не манипулирование сознанием, не методы социальной инженерии, а социальные и политические изменения самого общества. Они верили, что «хорошее общество» обеспечит формирование хорошего человека или, по крайней мере, сделает возможным проявление его лучших природных качеств.

Бихевиоризм

Основатель бихевиоризма — Д.В.Уотсон. Главной предпосылкой этого психологического направления еще в 1914 г. стала идея о том, что «предметом психологии является человеческое поведение». Как и представители логического позитивизма, бихевиористы выносят за скобки все субъективные факторы, которые не поддаются непосредственному наблюдению, такие как: ощущение, восприятие, представление, влечение и даже мышление и эмоции, коль скоро они имеют субъективную природу.

На пути своего развития от слегка наивных формулировок Уотсона до филигранных необихевиористских конструкций Скиннера бихевиоризм претерпел довольно заметные изменения. И все же речь идет скорее о совершенствовании новых оригинальных идей.

Необихевиоризм Б.Ф. Скиннера

Необихевиоризм опирается на тот же самый принцип, что и концепция Уотсона.

Скиннер доказал, что путем правильного применения позитивных «стимулов» можно в невероятной степени менять поведение как животного, так и человека — и это даже вопреки тому, что некоторые слишком смело называют «врожденными склонностями» (задатками).

Доказав это экспериментально, Скиннер, без сомнения, заслужил признание и известность. Одновременно он подтвердил мнение тех американских антропологов, которые на первое место в формировании человека выдвигают социокультурные факторы. Важно добавить, что Скиннер не отбрасывает полностью генетические предпосылки. И все же, чтобы точно охарактеризовать его позицию, следует подчеркнуть следующее: по Скиннеру, невзирая на генетические предпосылки, поведение полностью определяется набором «стимулов». Стимул может создаваться двумя путями: либо в ходе нормального культурного процесса, либо по заранее намеченному плану...